

ЕНИСЕЙСКІЙ

ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Еженедѣльный церковно-общественный журналъ.

Подписка принимается въ редакціи: г. Красноярскъ, Воскресенская ул., д. Покровской церкви.

Цѣна годовому изданію съ доставкой и пересылкой **пять р. 50 к.**

Современная духовная школа и ея питомцы.

5 сен. состоялось опредѣленіе синода о нѣкоторыхъ мѣропріятіяхъ по надлежащему установленію жизни духовной школы. Въ опредѣленіи указывается, что пониманіе самаго существа школы поколебалось, какъ среди учащихся, такъ отчасти и среди учащихся. Неправильное пониманіе основныхъ задачъ, внося колебаніе въ умы учащихся, содѣйствовало возникновенію среди нихъ броженія, вызывающаго рѣзкіе протесты со стороны пастырей противъ нихъ и противъ неправильнаго направленія духовныхъ школъ. Учебно-воспитательный составъ долженъ стоять на стражѣ порядка, дисциплины и авторитета начальствующихъ и учащихся. Духовныя школы должны имѣть неослабное попеченіе, чтобы въ нихъ воспитывались молодые люди, преданные основнымъ задачамъ школы, неподдающіеся враждебнымъ ей вліяніямъ. Для устраненія этого синодъ преподаетъ рядъ руководящихъ указаній.

Агентская телеграмма, Петербургъ, 10 сент.

Дѣйствительно, наша духовная школа въ послѣднее время даетъ такіе результаты, которые повидимому превосходятъ всякіе расчеты и ожиданія ихъ тайныхъ и явныхъ вдохновителей по части прогрессивности. Вотъ что мы читали въ телеграммахъ: „убиты два ректора, — Тамбовскій и Пензенскій, — и инспекторъ Тифлисской семинаріи; ректоръ Харьковской семинаріи облитъ сѣрной кислотой; ректоръ Смоленской семинаріи избитъ нагайками, въ Московской семинаріи были четыре взрыва бомбъ; въ Нижегородской взорвались три бомбы...

„Въ Вятской семинаріи подъ святымъ престоломъ найдены революціонныя брошюры и переписка революціонеровъ; уволено 300 учениковъ.

„Въ Подольской семинаріи взрывами разрушены стѣны и печи того класса, гдѣ производились экзамены.

„Въ Кіевской и Воронежской семинаріяхъ избиты профессора...“

Не припомню, не могу сказать навѣрное, но въ какой то семинаріи ученики разломали весь иконостасъ, разломали святые иконы и выбросили ихъ въ отхожее мѣсто.

Это я пишу на память, — это событія изъ жизни нашихъ духовныхъ учебныхъ заведеній!

Это событія, дѣйствующими лицами въ которыхъ были исключительно воспитанники нашей духовной школы.

Что бы судить объ успѣхахъ нашей духовной школы въ отношеніи къ церкви воинствующей, достаточно взглянуть на нашихъ современныхъ „съ иглопочки,“ какъ говорятъ, батюшекъ, на этихъ передовыхъ дѣятелей на шивѣ Божіей. Вотъ онъ, какъ живой передъ нами! Вотъ онъ, типъ новопеченнаго іерея самой новѣйшей формации, креатура современной, самой прогрессивной, педагогической. Шляпа — котелокъ, остриженный подъ польку или вообще — чаще коротко, прическа, хотя и рѣдко, а ля капуль, а чаще косою рядъ, на носу въ золотой оправѣ пенсия съ шнуркомъ за ухомъ, при наличности подстриженной бородки а ля Наполеонъ Frances съ закрученной эспаньолкой, съ папиросою въ зубахъ, близорукая, съ прищуренными глазами, приподнятая вверхъ, фізіономія придаетъ ему особенную и болѣе всего въ его воображеніи, элегантность, солидность и внушительность. Назначенъ былъ, говорятъ, въ академію дух., но отказался. Значитъ идейный. Въ рукахъ съ перчатками — тросточка изящная съ украше-

ніями, часто тоже идейнаго содержанія, ряса невиданнаго покроя съ лацканами, отворотами, съ карманами на бедрахъ; изъ карманчика на груди висятъ брелоки къ часовой цѣпочкѣ, рукавчики, манжеты; изъ подъ ряски на ногахъ виднѣются сандалиі или башмачки варшавскіе на пуговицахъ, рейтузы и сніе чулки... Къ несчастію, здѣсь есть и цвѣтъ—гордость нашихъ школъ, идейные пастыри, возжелавшіе яко бы пастырскихъ подвиговъ въ деревенской глуши. Начальство не парадуется такому самоотреченію и самоотверженности своихъ юныхъ питомцевъ—пастырей, принимая за фактъ обѣщанія ихъ и пожеланія. Какъ поучительно бы было, когда бы само начальство могло ихъ наблюдать на дѣлѣ! Но чего же православная русская паства, безхитростная, полутемная, Русь сермяжная, чего можетъ ждать для себя отъ такого пастыря? Вѣдь все, все, чѣмъ полна его душа, все это наружѣ и все это претить, до глубины возмущаетъ русскую народную душу. А русскій народъ, деревенскій, живетъ еще идеалами святой благословенной старины, ему правится простота, ему нужна, въ его глазахъ цѣнна въ пастырѣ мудрость житейская, назидательность въ словахъ, манерахъ, дѣйствіяхъ, а въ этихъ пастыряхъ ему прежде всего бросается въ глаза до неприличія доходящая ихъ чопорность. Но этого мало. Изъ этихъ же молодыхъ пастырей, мы знаемъ, такихъ, которые открыто отрицали самое пастырство, и необходимость преподаванія Закона Божія въ школъ, какъ обязательнаго предмета.

Да, чего только не натворили наши, съ большими задатками, батюшки, особенно за послѣдніе годы? Во что они по мѣстамъ обратили наши святые храмы, наши школы? Объ этомъ свидѣтельствуетъ церковная хроника общероссійская и мѣстная. Горе намъ съ такими пастырями! Горе и добрымъ пастырямъ—преемникамъ такихъ пастырей по приходу!

Но по плодамъ можно судить и о деревѣ, на которомъ они родились, и о садовникѣ, который ходилъ за этимъ деревомъ.

Приходится очень часто читать и слышать сѣтованія и жалобы на то, что наша духовная школа въ духѣ и характерѣ преобразованій и перестроеній явно обнаруживаетъ наклонность къ омірщенію. Это съ очевидностью уже сказалось и въ самомъ настроеніи молодыхъ преподавателей, они блещутъ либерализмомъ, иногда выражающимся въ отрицательномъ отношеніи къ церкви и религіи, въ подкапываніи основъ ихъ. Я зналъ молодыхъ преподавателей духовной семинаріи, которые слыли въ интимномъ кругу знакомыхъ и родныхъ за

несомнѣнныхъ атенстовъ—отрицателей. Вѣдь, нужно быть глубокимъ ханжой или тонкимъ дипломатомъ, что бы умѣть воздержаться отъ субъективизма, что бы не внести чего либо въ дѣло святое изъ своей собственной ученой сокровищницы задушевной. И несомнѣнно, они вносили, быть можетъ, неумышленно: матеріалистическія бредни и раціоналистическія догадки, какъ послѣднее слово науки, съ особенной энергіей и искусствомъ они папечатлѣвали въ сердцахъ своихъ юныхъ питомцевъ—будущихъ пастырей и не одного, а быть можетъ, многихъ поколѣній. Другіе, освѣщая священные историческія событія съ раціоналистической и якобы научной точки зрѣнія, доходили до отрицанія ихъ исторической реальности. Историческія лица, предъ нравственнымъ величіемъ которыхъ вѣками преклонялись, примѣромъ жества и доблести которыхъ воодушевлялись на подвиги правды и любви, они пизводили на степень созданія фантазіи народной. Мы жаловались на преподавателей—евреевъ, которые систематически убивали въ русскомъ юношествѣ религіозное и патріотическое чувства, а развѣ это не вытравливаетъ всего лучшаго, на чемъ созидалась и развивалась любовь къ своему народу, къ своей родинѣ, уваженіе къ завѣтамъ св. старины, благоговѣйное почтеніе къ церкви и ея установленіямъ? Случалось намъ наблюдать въ отношеніи къ этой сторонѣ школьнаго дѣла даже г.г. синодальныхъ ревизоровъ, которые иногда дѣйствуютъ въ духѣ и характерѣ г. Хлестакова: „пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ.“ Помню по одному училищу ревизора; побывавъ на одномъ урокѣ у каждаго изъ преподавателей, онъ затѣмъ изъ Петербурга написалъ отчетъ и отзывъ: „такой-то преподаватель владѣетъ словомъ...“ и только. А знанія у учениковъ есть ли, какое вліяніе имѣетъ на нихъ этотъ красноглазовый учитель, это, должно быть для ревизора духовной школы не существенно?

А послѣ оказалось, что красноглазовые хваленые г. ревизоромъ преподаватели стали во главѣ революціонныхъ организацій, руководителями ученическихъ забастовокъ, подстрекателями къ бойкотамъ и открытымъ бушамъ.

А г. ревизоръ за краснорѣчіе похвалилъ ихъ, слѣдовательно, поощрилъ. Такъ вотъ они радѣтели духовнаго просвѣщенія и направители! Вотъ что они цѣнятъ, что нужно имъ, что вѣщее для нихъ!

Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что на духовно-учебной службѣ не держится духовенство съ ретроградными взглядами. Отъ духовной школы хотятъ больше жизненности „свѣтскости,“ хотятъ

ее омірщитъ, поставитъ самый характеръ воспитанія и образованія въ согласіи съ требованіями духа времени. Заботятся о внѣшнемъ свѣтскомъ чисто научномъ лоскъ и отдѣлкѣ и въ результатъ духовная школа даетъ намъ въ стѣнахъ своихъ бунтовщиковъ—убійць, на Божьей нивѣ отрицателей религіи и церкви, легкомысленныхъ чуждыхъ духа церковности руководителей, которые добьются въ народѣ послѣдніе остатки добраго влияния св. церкви, остатки св. старины. Да, надо школу обновить и истинное пастырство возстановить!

Миръ всѣмъ! *).

Кажется, трудно найти другое время, въ которое такъ умѣстно и такъ необходимо было-бы напомнить людямъ евангельскую притчу о царѣ и должникѣ,—трудно найти другое такое время, какъ нынѣ переживаемое.

Голосъ евангелія и нравоученія притчи представляются столь далекими отъ наблюдаемаго теченія и облика жизни, что самая притча Спасителя, несмотря на то, что мы знаемъ и слышимъ ее съ дѣтства, нынѣ кажется чѣмъ-то новымъ, доселѣ неизвѣстнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, инымъ духомъ, давно какъ будто бы отжившимъ, иными образами, какъ будто бы совершенно невозможными въ наши дни, иными чувствами, взглядами и стремленіями, и иными отношеніями къ людямъ вѣетъ отъ этой евангельской притчи, простой, доступной даже ребенку, но полной глубочайшей премудрости и вѣчной назидательности.

Она взята изъ жизни древняго Востока.

Царь захотѣлъ сосчитаться съ рабами своими. И вотъ, къ нему привели должника, который былъ долженъ ему „тѣмъ талантовъ“, то есть десять тысячъ талантовъ, на наши деньги—двадцать четыре милліона рублей. Намѣренно въ притчѣ указана такая огромная сумма, чтобы показать, что долгъ завѣдомо былъ неоплатный. Такъ какъ рабу нечѣмъ было отдать, то царь, по жестокому праву древности, повелѣлъ продать должника, жену и дѣтей, и все имѣніе его, чтобы хоть нѣсколько восполнить долгъ. Тогда рабъ палъ къ ногамъ царя съ просьбою: „господинъ, потерпи, я все тебѣ отдамъ.“ Ясно, что обѣщаніе должника было неисполнимо, и по этому нужно было царю или привести въ исполненіе угрозу, или — не отсрочивая уплаты, прямо простить долгъ. Государь въ милосердіи своемъ избралъ послѣднее—и всѣ долги раба простилъ.

*) Сказано въ церкви Московскаго епархіальнаго дома по случаю сѣзда монархистовъ Московской губерніи, 26 августа 1907 года.

Можно себѣ представить, въ какомъ настроеніи долженъ былъ выйти отъ царя прощенный и облагодѣтельствованный должникъ. Вѣдь онъ какъ-бы вторично народился на свѣтъ. Отнынѣ падъ нимъ не тяготѣетъ день и ночь мысль о долгѣ и неизбѣжной ответственности, отнынѣ онъ свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, отнынѣ онъ хозяинъ своего имущества; отнынѣ его жена и дѣти избавлены отъ вѣчной опасности быть проданными. Въ этомъ торжествѣ свободы и живѣйшей благодарной радости, въ этомъ ликованіи души, въ этомъ сознаніи полученнаго величайшаго благодѣянія, кажется, растворилась-бы ледяная душа, и согрѣлось-бы каменное сердце. Но не то случилось съ прощеннымъ рабомъ. Жестокость его не знала ни милости, ни жалости. Только вышелъ онъ отъ царя, какъ встрѣтилъ своего товарища, который долженъ былъ ему всего сто динарiевъ, то-есть 20 рублей на наши деньги, — сумму малую, которую онъ могъ-бы скоро заплатить. Что же дѣлаетъ его займодавецъ? Онъ схватилъ должника за горло и сталъ его душить, требуя немедленной уплаты. Должникъ палъ къ его ногамъ и сталъ умолять его тѣми-же словами, которыя жестокой его займодавецъ только-что говорилъ передъ царемъ: „господинъ, потерпи, я все тебѣ отдамъ.“

Разница въ просьбахъ одного и другого была только въ томъ, что обѣщанія второго должника были на сей разъ исполнимы: 20 р., конечно, онъ могъ отдать, продавши свое имѣніе. Но жестокой займодавецъ не сталъ слушать просьбы, и бросилъ должника въ темницу, пока онъ не выплатитъ всего до копѣйки. Услышавъ объ этомъ, царь сильно разгнѣвался; онъ призвалъ прощенного должника и сказалъ ему: „злой рабъ! весь долгъ я простилъ тебѣ, потому-что ты меня упросилъ. Развѣ не слѣдовало тебѣ помиловать товарища своего, какъ я тебя помиловалъ?“ И велѣлъ царь отдать его мучителямъ и бросить въ темницу, пока не отдастъ онъ всего долга.

Такъ и отецъ Небесный,—заклучилъ Иисусъ Христосъ притчу,—такъ и отецъ небесный поступи съ тѣмъ, кто не проститъ отъ всего сердца брату согрѣшеній его.

Не правда-ли, какъ, дѣйствительно, далеко наставленіе притчи отъ того, что мы теперь кругомъ себя видимъ? Что видимъ?

Прежде всего,—всеобщее озлобленіе, брань, ненависть, осужденіе, насиліе, кровь и убійства. Судятъ всѣхъ и все тѣ, кому не дано никакого права судить. Убиваютъ, казнятъ тѣ, кому не дано никѣмъ и ни малѣйшаго права карать дѣятели государства и обще-

ства. Злоба обращается въ какое-то особое удовольствіе. Каждый, кто мнитъ себя нѣсколько умнымъ или, какъ теперь выражаются, „сознательнымъ“, только въ томъ и полагаетъ весь свой умъ, свою „сознательность“ и все свое достоинство, чтобы какъ можно больше вылить грязи на ближняго своего, какъ можно строже судить его жизнь и дѣятельность, и не судить только, но непременно и заранѣе осудить и запятнать позоромъ, — и все это чаще всего только за то, что ближій занимаетъ высшее положеніе. При такихъ условіяхъ ниѣ ужъ не царь считается съ рабами своими и судить ихъ, какъ изображено въ притчѣ евангелія, а наоборотъ, подданные царя, самовольно перемѣнившись съ нимъ положеніями, начали теперь грозно, беспощадно, непрерывно судить и осуждать царя, правителей... Ложь, клевета, всякія выдумки, — все это пускается въ ходъ, всему дается вѣра, и всюду слышны только брань, брань и злоба...

Никто, однако, не хочетъ посмотреть на себя самого. Никто не хочетъ вспомнить, что если въ правителяхъ много недостатковъ, то, вѣдь, эти правители не съ луны упали, а вышли изъ той-же среды грозныхъ судей. Если среда эта растлѣнна, то какъ она можетъ дать изъ себя добрыхъ работниковъ? Наоборотъ, если работники всегда и сплошь дурные, значить, и среда, откуда они выходятъ, никуда не годится. Тогда каковы-же сами судьи?

Что-же дѣлается для оздоровленія этой среды? Оздобленіе, царящее кругомъ насъ, исправляетъ-ли народъ нравственно, оздоравливаетъ-ли общество? Зло никогда не родитъ добра; терновникъ не даетъ винограда.

Посмотрите, какъ, на нашихъ глазахъ, народъ нашъ все ниже и ниже падаетъ въ нравственномъ отношеніи: это ужасающее пьянство; это паденіе семьи; развратъ открытый и наглый; эта грубость, грубость всюду — въ семьѣ, въ школѣ, въ обществѣ, на улицѣ, дѣлающія жизнь невозможною; это паденіе всякаго послушанія въ дѣтяхъ къ родителямъ; это тунеядство, зависть ко всему высшему, лѣнь, нечестность, легкое отношеніе къ чужому добру, къ данному обязательству, — всего не перечесть. Но вотъ что удивительно: объ этомъ-то паденіи нравовъ почему-то всѣ злобные судьи жизни упорно молчатъ. Другихъ мы судимъ безъ всякаго снисхожденія, и если тѣ у власти, или въ богатствѣ, — пожалуй къ отвѣту, и нѣтъ тебѣ ни капли милости. Къ себѣ же мы всѣ очень снисходительны: мы ни въ чемъ не виноваты, а если и есть въ насъ что-либо худое, чего отрицать ужъ никакъ нельзя, то виновато пра-

вительство, виноваты несовершенные законы, виновата среда, но не мы сами... Отъ другихъ мы требуемъ только и исключительно однѣхъ обязанностей, себѣ даемъ — только и исключительно одни права. Другіе, особенно у власти стоящіе, должны быть умными, предусмотрительными, должны быть честными, благородными, кроткими, любезными, внимательными, не раздражать насъ ни дѣломъ, ни словомъ, во всемъ намъ уступать. Мы-же можемъ быть требовательны, грубы, можемъ всегда отнестись къ другимъ, со словомъ укора, оскорбленія, обезчестить кого-угодно словесно и печатно, а то и свести счеты револьверами и бомбами.

Мудрено ли, что при такомъ положеніи, при этихъ двухъ мѣрахъ добра и зла, при легкости осужденія другихъ и оправданія себя, — мудрено ли, что злоба становится нашимъ дыханіемъ, что слово всепрощенія евангельскаго для насъ все равно, что разговоръ о жаркомъ и свѣтломъ солнцѣ въ странѣ непроходимаго мрака и холода.

А было время, когда царили среди христіанъ другія отношенія. Порокъ и грѣхъ, конечно, всегда существовали, но они не обращались въ то повальное озлобленіе, которое мы теперь наблюдаемъ всюду. Вотъ примѣръ изъ жизни великаго учителя Александрійскаго Іоанна Милостиваго.

Однажды нищій, получивъ отъ него подаваніе, сталъ бранить святителя оскорбительными словами, — случай, который и нынче мы можемъ наблюдать ежедневно. Окружающіе хотѣли унять грубіяна. „Оставьте его, сказали Іоаннъ. Миѣ ли не перенести оскорбленія отъ брата моего, когда я самъ въ продолженіи всей моей жизни, 60 лѣтъ, оскорбляю дѣлами своими Господа Іисуса Христа.“

Вотъ примѣненіе къ жизни слышанной сегодня притчи, вотъ христіанское настроеніе, до котораго намъ далеко, далеко до того, чтобы смотрѣть и слѣдить больше за собою, чѣмъ за другими, чтобы сознать и въ жизни провести, что люди — братья, ихъ долгъ — жить въ мирѣ, во взаимномъ общеніи, въ стремленіи къ благу общественному, по слову апостола, терпя другъ друга любовью, а не наполняя всего міра злобою, осужденіемъ и враждою.

И нашъ родной русскій народъ въ христіанской душѣ выносилъ и выстрадалъ это правило евангельское. Да, русскій народъ лучшій въ мірѣ народъ, это самородокъ алмаза. Нужно воспитать, нужно только отшлифовать этотъ самородокъ, — и въ его граняхъ засіяетъ вѣчною красою солнце правды и любви евангельской,

-- и цѣны ему не будетъ. Не вѣрьте, когда говорятъ: нѣтъ людей. Не падайте духомъ, — духа не угашайте. Положеніе не безнадежное, но выходъ изъ него только одинъ: нравственно-религіозное развитіе общества. Думается, въ нашемъ, на примѣръ, теперешнемъ собраніи не можетъ быть мѣста для бомбометателя, онъ самъ сюда не придетъ. И вотъ, еслибы все русское общество обратилось въ дѣйствительную христіанскую церковь, еслибы всѣ прониклись религіозно-нравственнымъ настроеніемъ и ученіемъ евангелія, еслибы всѣ дружно и гласно осудили преступленія, убійства и насилія, — то извергамъ и злодѣямъ, которые теперь заливаютъ кровью всю Россію, не было бы въ средѣ русскаго народа мѣста.

Итакъ, станемъ всѣ выше и выше надъ всеобщимъ озлобленіемъ, станемъ не на слово гнилой брани и всеобщаго осужденія, а на бодрую работу каждый надъ собою, каждый въ томъ дѣлѣ, къ которому Богъ его приставилъ. Не въ правительствѣ, не въ окружающей средѣ, не въ насъ главный источникъ нестроений: Царство Божіе внутри насъ есть. Царство нестроений и зла также внутри насъ... Не порядки создаютъ людей, а прежде всего, и въ концѣ концовъ, люди создаютъ порядки. И здѣсь не пройдетъ мимо слово Евангелія: благой человѣкъ отъ благого сокровища сердца своего износить благое, а лукавый отъ лукаваго сокровища сердца износить лукавое.

Станемъ же не въ злобѣ, а въ любви и взаимномъ прощеніи: только тогда мы создадимъ человѣческое общество, а не звѣриное житіе, которое теперь, къ сожалѣнію, мы наблюдаемъ вокругъ себя.

Не быть творцомъ тому, въ комъ говорить къ прошедшему лишь гордое презрѣніе; великаго удѣлъ — творить и исполнять; кто разорить, тотъ малъ въ Царствѣ Христовомъ!...

На злобѣ, на разрушеніи, на ненависти мы не создадимъ ни дѣла, ни жизни, а получимъ только — смерть, смерть на землѣ, въ разрушеніи жизни государственной и общественной, и смерть на небѣ, въ вѣчномъ удаленіи отъ истинной жизни, отъ Бога любви. Ибо Онъ, Богъ любви и милосердія, и есть тотъ Царь, которому мы должны долгомъ неплатнымъ, и если мы, по подобію евангельскаго жестокосерднаго заимодавца, не отпустимъ нашимъ братьямъ отъ всего сердца согрѣшеній ихъ, если жизнь свою не наполнимъ миромъ и всепрощеніемъ и любовною работой въ благо общее, то и Господь не отпуститъ намъ согрѣшеній нашихъ.

Въ ню же мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ.

Миръ вамъ. Миръ всѣмъ. Аминь.

Протоіерей *И. Восторговъ*.

Двѣ картинки.

„Кіевлянинъ“ рисуетъ двѣ характерныя картинки:

Идутъ по улицѣ арестанты. Они переносятъ мебель. Одинъ арестантъ отошелъ въ сторону попросить у прохожихъ спичекъ. Къ нему подбѣгаетъ мальчикъ 5—6 лѣтъ и спрашиваетъ:

— За что вы сидите въ тюрьмѣ?

— За скверныя дѣла, дѣточка, — отвѣчаетъ арестантъ.

И немного подумавъ прибавилъ:

— За хорошія дѣла въ тюрьму не сажаютъ!

Вотъ русскій простолюдинъ, который, даже ступивъ на путь преступленія, даже попавъ въ растлѣвающую среду преступнаго міра, сохранилъ въ душѣ Бога и правду...

Другая картинка. Именины. Барышня именинница съ группой знакомыхъ сидитъ въ саду, въ бесѣдкѣ. Разговоръ идетъ о политическихъ убійствахъ. Гости возмущаются убійствами. Барышня защищаетъ ихъ и горячо твердитъ:

— Я оправдываю идейныя убійства, даже признаю ихъ необходимыми: благо общества требуетъ, чтобы всякое зло было наказано...

— А, вотъ какъ! Въ такомъ случаѣ у убиваемыхъ сначала, при жизни, надо сдирать кожу и т. п. Ужъ коли наказывать, такъ наказывать, — возразилъ одинъ изъ гостей.

— Нѣтъ, я противъ жестокости, — говоритъ барышня: — убивать надо, а мучить не надо!

Можетъ ли быть большее нравственное уродство. Большее вытравленіе образа и подобія Божія?

Арестанта тюрьма не развратила, а еврейскія газеты развратили барышню до мозга костей, убивъ въ ней все лучшее, что свойственно природѣ человѣка.

И это отупѣніе, эта одичалость непрерывно сѣется „освободительной“ печатью.

Безсознательно, день-отъ-дня, понемногу обыватель впитываетъ въ себя ядъ „освободительной“ печати и, засосанный въ эту нравственную тину, незамѣтно дичаетъ, доходитъ до мысли о необходимости убивать и до глубины души возмущается, когда убійцы сажаютъ въ тюрьму.

— Респрессіи жить не даютъ, — говорятъ они.

Интеллигентъ говорить въ Думѣ:

— Я не имѣлъ чести сидѣть въ тюрьмѣ!

А простолюдинъ въ арестантской курткѣ просто и искренно заявляетъ:

— За хорошія дѣла въ тюрьму не сажаютъ!

Вотъ два міра—міръ русской народный и міръ еврействующихъ.

Объеврееніе нашего „общества“ идетъ впередъ гигантскими шагами. Въ „освободительной“ части общества созданъ настоящій культъ еврейства. Множество русскихъ по рожденію людей прямо ненавидятъ свою родину. Отъ одного изъ такихъ „бывшихъ“ русскихъ я получилъ письмо, въ которомъ онъ, браня меня за проповѣдь націонализма и патріотизма, иступленно говоритъ:

— За что я буду любить Россію?

Я ее ненавижу, ненавижу всѣми силами души, ненавижу ее прошлое и настоящее!

А въ заключеніе заявляетъ:

— Мнѣ стыдно, что я русскій!

И выложивъ все это, подписался полной фамиліей, съ указаніемъ своего адреса.

Есть такіе развратники, страдающіе особымъ видомъ душевнаго расстройства, которые стремятся дѣлать всякія гадости на виду у всѣхъ.

Лѣтопись церковной и общественной жизни.

Саратовская духовная консисторія, согласно резолюціи Преосвященнаго Гермогена, предложила, чрезъ благочинныхъ, настоятелямъ церквей и церковнымъ старостамъ брать вино для употребленія при богослуженіяхъ исключительно изъ церковно-епархіальнаго склада при свѣчномъ заводѣ. Исполненіемъ этого предложенія духовенство епархіи много посодѣйствовало бы увеличенію доходовъ завода, т. е. самому себѣ, такъ какъ всѣ доходы завода, какъ выяснено, идутъ на нужды и епархіальныя потребности самого же духовенства.

Въ нашемъ Епархіальномъ заводѣ есть церковное вино, но покупается оно изъ склада—очень немногими церквами г. Красноярска. Неужели-же нужно предписаніе начальства? Неужели нѣтъ сознанія пользы—для самой епархіи? Если такъ, то нужно предписаніе.

Состоялось собраніе бѣлаго столичнаго духовенства. Присутствовали 76 священниковъ и одинъ епископъ. Собраніе единогласно высказалось объ отнѣнѣ конси-

сторскихъ судовъ и за введеніе духовныхъ судовъ. Въ составъ духовнаго суда входятъ 30 священниковъ отъ уѣзда и изъ благочинія, которому поллежитъ подсудимый священникъ, одинъ только благочинный; члены и секретарь консисторіи не должны присутствовать на судѣ.

Объ участіи духовенства въ мелкомъ кредитѣ. Св. Синодъ, разсмотрѣвъ вопросъ объ участіи священнослужителей въ управленіяхъ учрежденій мелкаго кредита, опредѣлилъ разрѣшить духовнымъ лицамъ, занимающимъ въ настоящее время какія-либо должности въ учрежденіяхъ мелкаго кредита, оставаться въ такихъ должностяхъ и впредь, прочимъ же духовнымъ лицамъ—предоставить право состоять, согласно указаніямъ дѣйствующихъ законоположеній, попечителями учрежденій мелкаго кредита.

Закрытіе семинарскаго общежитія. Въ Воронежѣ по распоряженію синода окончательно закрыто громадное общежитіе духовной семинаріи.

Святѣйшій синодъ, идя навстрѣчу удовлетворенію религіозно-нравственныхъ нуждъ переселенцевъ, предписалъ епархіальнымъ управленіямъ въ Сибири открывать новые приходы при достаточномъ числѣ переселенцевъ, не возлагая на нихъ сооруженія причтовыхъ домовъ.

Изъ Ярославля сообщаютъ, что желающихъ поступить въ число студентовъ въ Демидовскій лицей въ текущемъ году сравнительно очень много. До настоящаго времени поступило уже около 400 прошеній, преимущественно воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Не прошедшіе полного курса послѣднихъ будутъ подвергнуты предварительному испытанію. Поступаютъ прошенія отъ женщинъ о зачисленіи ихъ вольнослушательницами.

По предложенію министра народнаго просвѣщенія, директора народныхъ училищъ вырабатываютъ проекты новыхъ программъ для народныхъ училищъ. Проекты эти съ заключеніями попечителей учебныхъ округовъ поступятъ въ скоромъ будущемъ въ министерство. Какъ слышно, въ учебный планъ народныхъ училищъ предполагается ввести преподаваніе ремесль. („Колоколь“ 464.)

На общемъ пастырскомъ уѣздномъ Орловскомъ собраніи одинъ священникъ, указавъ на то, что сельскіе іереи, затрудняются вести новое и трудное дѣло церковно-приходскихъ совѣтовъ, не имѣя на то надлежащей опытности и не встрѣчая нигдѣ поддержки и нравственного одобренія, сдѣлалъ предложеніе объединиться всѣмъ совѣтамъ вокругъ одного какого-либо центра и въ качествѣ такового указалъ на Орловское Петропавловское Братство, богатое знаніемъ и опытомъ въ дѣлѣ развитія духовнаго просвѣщенія и имѣющее возможность оказывать даже матеріальную помощь недостаточнымъ совѣтамъ.

На журналѣ этого собранія Преосвященный Серафимъ, въ резолюціи своей пишетъ (высказавъ сожалѣніе, что пастыри не приступаютъ ни къ какой дѣятельности въ приходѣхъ, кромѣ благотворительной): „На уѣздныхъ собраніяхъ нужно добиваться не разнообразныхъ темъ для бесѣды, а положительныхъ рѣшеній хоть по одному вопросу, чтобы составить постановленіе и затѣмъ немедленно проводить его въ жизнь всѣми и всюду. На слѣдующемъ собраніи надо выслушать сообщеніе — какъ удалось пастырямъ провести въ жизнь положенную мѣру и снова обсудить, не слѣдуетъ ли измѣнить рѣшеніе, согласно добытаго опыта. Затѣмъ обсудить слѣдующій вопросъ“. (Кишин. Еп. Вѣд., № 33).

На Могилевскомъ епарх. съѣздѣ духовенства вопросъ о запасныхъ священникахъ получилъ слѣдующее разрѣшеніе. 1) Временное исполненіе пастырскихъ обязанностей въ приходѣхъ на случай отсутствія, болѣзни или смерти приходскихъ священниковъ, по ходатайству предъ его преосвященствомъ, предоставлять свободному составу о.о. іеромонаховъ монастырей епархіи съ вознагражденіемъ за время командировки о.о. іеромонаховъ изъ свѣчнаго завода по 15 р. въ мѣсяць за cadaго въ пользу монастырей (плата свѣчами по существующимъ для епархіи цѣнамъ) и изъ получаемыхъ въ приходѣ доходовъ или другихъ мѣстныхъ источниковъ по 5 р. въ мѣсяць въ пользу исполняющаго пастырскія обязанности о. іеромонаха, при готовомъ столѣ, квартирѣ и покрытіи всѣхъ путевыхъ издержекъ изъ мѣстныхъ средствъ, по усмотрѣнію причта и церковнаго старосты.

Поднятіе авторитета священника въ приходѣ. Калужское епархіальное пастырское собраніе вопросъ о томъ, что можетъ содѣйствовать возвышенію авторитета пастыря, разрѣшило слѣдующимъ образомъ.

Это—1) строгое исполненіе обязанностей и въ частности благоговѣнное, неспѣшное совершеніе богослуженія; 2) добрая жизнь пастыря и его семейныхъ, не подающая повода къ осужденію и соблазну; 3) нестяжательность пастыря въ смыслѣ воздержанія отъ всѣхъ видовъ излишней требовательности и вымогательства; 4) обходительное, ласковое и участливое отношеніе къ прихожанамъ и, наконецъ, 5) дѣятельная помощь въ народной нуждѣ, врачебная помощь и т. п. „С. Е. В.“

Русская печать.

Церковь и крѣпостное право. Не со вчерашняго только дня стали раздаваться по адресу церкви и всего нашего духовенства, (въ частности же въ особенности митр. моск. Филарета) упреки, „почему въ свое время они не протестовали противъ крѣпостного права, почему ни одного слова не положили на чашу освобожденія крестьянъ.“ Упреки эти и доселѣ продолжаютъ оставаться, если можно выразиться, модными.

Но такой взглядъ рѣшительно не выдерживаетъ исторической критики. Голосъ исторіи нашего государства неопровержимо свидѣтельствуетъ совершенно о противоположномъ.

Перенесемъ, какъ это предлагаетъ извѣстѣйшій авторитетъ въ области русской исторіи, проф. В. О. Ключевскій, перенесемъ мыслію въ сѣдую старину. Пороемся въ ветхихъ и пыльныхъ свиткахъ самаго сухого содержанія. Вотъ предъ нами духовное завѣщаніе. Оно принадлежитъ одной древне-русской, именитой и богатой госпожѣ. Все она припомнила и записала въ завѣщаніи: кому сколько должна, кто ей сколько долженъ и кому что должно достаться изъ ея имущества. Все припомнила она и изъ своего житейскаго багажа: и свои сундуки съ платьемъ, и свою кухню, и дошла до своей многолюдной крѣпостной дворни. По тогдашнимъ законамъ, это для нея такія же вещи, какъ ея тѣлогрѣйка, съ той развѣ разницею, что послѣдняя ближе къ сердцу и потому дороже, бережливе хранилась. Читая духовную, ждешь, кому она откажетъ своихъ „рабовъ и холоповъ“. „А людей моихъ, пишетъ завѣщательница, всѣхъ отпустить на свободу, всѣ Божіи и цареви государевы люди, и изъ остаточныхъ денегъ дать моимъ людямъ, мужичкамъ и женочкамъ, почему пригоже дати, а не оскорбити, чтобы людцы мои послѣ меня не пошли съ моего двора и не заплакали“.

Неужели трудно понять, чье влияние дѣлало изъ предсмертнаго завѣщанія владѣлицы крѣпостныхъ душъ трактатъ о равенствѣ людей предъ Богомъ и государемъ? Кто не признаетъ здѣсь влияния именно церкви? И неужели приведенное завѣщаніе не горячее, не краснорѣчивѣйшее слово церкви противъ рабства, противъ крѣпостного права, произнесенное лишь устами завѣщательницы, доброй христіанки, послушной голосу, учению церкви?..

И безпристрастная исторія всегда будетъ нелицеприятнымъ свидѣтелемъ того, что церковь, духовенство наше не только не были равнодушны къ крѣпостничеству, а по старинной терминологіи—холопству, но вели съ этимъ огромнымъ для гражданскаго общежитія зломъ неустанную, энергичную борьбу.

„Трудно найти, говоритъ проф. Ключевскій, древнерусское церковное поученіе, въ которомъ не было бы рѣзкаго порицанія рабовладѣльца, какъ и ростовщика. Ростовщикъ-кровопійца, рабовладѣлецъ—жестокій разбойникъ, недостойный святаго Причастія—вотъ къ чему сводилась церковная проповѣдь, боровшаяся съ этими недугами русскаго общества“.—Другимъ оружіемъ на ряду съ проповѣдью, для борьбы съ холопствомъ, у церкви, у ея служителей была исповѣдь. Пользуясь исключительно только этими средствами, т. е. проповѣдью и исповѣдью, церковь достигла того, что суровый и тяжелый законъ о рабахъ, постепенно смягчаясь, ослабляясь съ теченіемъ времени видоизмѣнился еще въ древней Руси, можно сказать до неузнаваемости.

Въ постоянной и неустанной борьбѣ своей противъ холопства, крѣпостничества церковь, дѣйствительно, не вымогала у гражданской власти къ отмінію ихъ тѣхъ или другихъ законовъ, и въ этомъ только смыслъ про нее можно сказать, что она „ни одного слова не положила на чашу освобожденія крестьянъ“. Но развѣ можно дѣлать ей за это какіе-либо упреки?.. Къ цѣлямъ ослабленія, а потомъ и, конечно, уничтоженія крѣпостничества церковь шла не чрезъ „вымогательства“ у гражданской власти новыхъ законовъ, а совершенно другимъ путемъ, ей именно сроднымъ, ей доступнымъ.

Чтобы улучшить, благоустроить гражданское общежитіе, церковь старалась поставить гражданскія отношенія не на юридическихъ нормахъ, а на прочныхъ, чистыхъ, святыхъ христіанскихъ основаніяхъ. Дѣйствуя же такимъ образомъ, она проникла въ самую глубь соціального строя общества. Утверждая этотъ строй

на христіанскихъ началахъ, она не только благоустроивала гражданское общежитіе, но перестраивала его совершенно заново и вмѣстѣ съ этимъ неизбежно вызвала къ жизни новые законы. Эти новые законы рождались, если хотите, также изъ борьбы, но изъ борьбы евангельской заповѣди съ личнымъ интересомъ.

Подъ благотворнымъ воздѣйствіемъ церкви въ гражданскомъ общежитіи гуманныя отношенія предупреждали гуманные законы. „Часто случалось, говоритъ проф. Ключевскій, что право, стражъ законнаго личнаго интереса, добровольно уступало свое мѣсто евангельскому самопожертвованію, при которомъ человекъ забываетъ о своихъ правахъ и о законѣ, ихъ окружающемъ. Личныя проявленія человеколюбія, къ которымъ законъ совершенно не обязываетъ, подъ влияніемъ церкви, учащались, входили въ привычки, нравы, которые потомъ и узаконялись“.

По убѣжденію проф. Ключевского и другихъ авторитетовъ нашей исторической науки, не другое что, а именно церковь своею неустанною проповѣдью о равенствѣ людей предъ Богомъ прежде всего и болѣе всего содѣйствовала величайшему акту въ исторической нашей жизни—освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Такое убѣжденіе нынѣ популяризуется не въ ученыхъ лишь изслѣдованіяхъ, а повседневной печатью, и если оно игнорируется, то лишь намѣренно, съ предвзятой цѣлью.

„Колоколь“.

Официальная хроника Енисейской епархіи.

„Енисейская духовная консисторія сообщаетъ къ свѣдѣнію причтовъ и старостьъ церквей Енисейской епархіи, что на журналѣ Енисейскаго епархіальнаго училищнаго совѣта отъ 25 іюня с. г. за № 88 послѣдовала такая резолюція Его Преосвященства отъ 8 августа с. г. за № 2414: „согласно ходатайства Епархіальнаго училищнаго Совѣта, предлагаю консисторіи напомнить причтамъ и церковнымъ старостамъ Енисейской епархіи, что они по силѣ указа Святѣйшаго Синода могутъ расходовать изъ церковныхъ суммъ до 50 рублей на школы, не испрашивая на то особаго архіерейскаго разрѣшенія, если это не будетъ служить препятствіемъ къ содержанію храма въ должномъ благолѣпіи и къ своевременному представленію опредѣленныхъ взносовъ на учебныя заведенія и другія епархіальныя учрежденія.“